

Три дня до летнего солнцестояния

Часто утверждают, мол, из странствий возвращается уже не тот человек, что когда-то покинул дом. А полученные в поучительном путешествии новые чувства меняют и само восприятие странника. Родные края и стены кажутся иными и открывают взору все то, что прятали прежде.

Как бы там ни было, для Коловрата это чувство новизны прошло через полтора дня. Теперь вместо начальника делегации он вернулся к своей прежней должности — советник первого ранга.

В обширном здании храма Забот церкви Тефлиоса велись несколько иные службы, чем в иных духовных заведениях. Жрецы, спешно пересекавшие широкие коридоры с высокими потолками, несли более приземленную службу — на их совести были решения практически обо всех житейских вопросах в управлении священным городом Гелиоградом.

В одном из залов собраний в этот день решался вопрос о расформировании двух войсковых отделений. За последние тридцать лет те так ни разу и не понадобились ни для охраны города и прилегающих земель, ни для разведки или каких-либо иных целей. Коловрат не служил в храме Забот, однако решавшийся вопрос затрагивал также вопросы дипломатии, а посему ему надлежало присутствовать на заседании.

Он выступал однозначно «за». Не только от того, что сокращение числа войск благоприятно сказалось бы на отношениях с ближайшими соседями. Было в его желании распустить солдат и офицеров что-то личное. Чем старше он становился, тем более неприятны ему были вояки. Со злорадным торжеством думал он о том, как все эти бездельники с праздных тренировок да церковных харчей уйдут в шахты, копать металл для нужд города.

Решение о расформировании было предварительно одобрено, окончательный вердикт было решено вынести на следующем заседании.

Коловрат не понял, в какой момент он оказался совсем один в коридоре, коли выходил из зала вместе с большим количеством жрецов. Но те, стоило немного помедлить, уже разбежались сквозь незаметные маленькие дверцы по потайным ходам.

За углом, возле большого окна с массивными наличниками столпилась небольшая компания молодых жриц, со смехом и перебивая друг дружку обсуждали очевидно не рабочие вопросы. Однако едва они завидели Коловрата, резко воцарилась тишина. Среди красных сарафанов прошелестело вполголоса неуютное приветствие.

Несколько лет назад, только приступив к службе, Коловрат наивно полагал, что неизменное молчание со стороны священнослужителей рангом ниже происходило от большого уважения к его персоне. Чуть позже он со стыдом и ужасом обнаружил, что с другими высокопоставленными дипломатами и жрецами те же служащие смеялись и заискивали.

И сейчас он ясно осознавал, что почтительно потупленные к полу глаза юных жриц внимательно следят, когда же он, наконец, уйдет. К собственному удивлению, Коловрат уж давно привык к чувству, что ему мало кто рад на службе.

Лишь на пару мгновений он остановился, чтобы поглядеть на жриц. Те стояли плотно друг к дружке, некоторые подхватив подругу под руку — их единство казалось почти осязаемой субстанцией, влитой меж ними гранитом.

— Со скорым праздником вас. — Со вздохом произнес Коловрат. Он попытался поднять руку в приветственном жесте, но резкая боль заставила его остановиться.

— Благодарим, ан советник!

— И Вас с грядущим солнцестоянием!

— Всего Вам хорошего.

Ответы их были какими-то пугливыми и не в меру скорыми.

Коловрата ядовито кольнула зависть. Хотелось бы и ему стать одной из этих девиц без вычурного родства, окружить себя весёлыми подругами и за глаза посмеивается над балбесом, который на зло высоким чинам попал на престижный пост через младшего брата.

Оказавшись на улице, он столкнулся с Мореной. Лицо ее было понуро, губы неловко поджаты.

— Здравствуйте, ан Коловрат. — Приблизившись она скромно кивнула ему.

— И тебе хорошего дня. Чем обязан?

— Вы просили доложить, коли станет известно что-то о пропаже Фимы из Флипсии. — По виду матери паяцев было ясно, что хороших новостей у нее нет. — Вы, должно быть, слышали про недавний пожар?

— Да. Кажется, какая-то гостиница горела?

— Нет, это был «Сизый мак». И там в день пропажи видели и самого Фиму.

— В этом притоне? Кто доложил? — Коловрат отвёл взгляд, стараясь не поморщиться от боли в обожжённой руке.

— Посетители. Свидетельства их, конечно, размытые, все были нетрезвые в тот момент, однако их число позволяет принять это на веру.

Коловрат внимательно посмотрел на Морену. Фиму, как певчего, разумеется, было несложно заметить, но не доложил ли кто Морене, что с флипсианцем был ещё некий высокопоставленный гость?

— И что же? Не выбрался из огня?

— Неизвестно. Однако после пожара его более не видели.

— Вот как. — Негромко сказал Коловрат.

— Мне жаль... Вы ведь хотели назначить его своим помощником?

— Да. — С нетерпеливым вздохом ответил он, всем своим видом показывая, что хотел бы поскорее закончить этот разговор.

— Ещё раз примите соболезнования. — Морена, желавшая было о чем-то расспросить Коловрата, неловко осеклась, встретившись с его тяжёлым взглядом и рассудила, что лучше будет оставить наедине со скорбью и болью. — Он теперь в вечном свете.

Получив необходимые донесения, Коловрат пошел дальше. Его не покидало чувство, что нужно переделать уйму дел, хотя от него теперь требовалось только дожидаться нужного дня.

Он с легкостью догадался, о чем его хотела спросить Морена. Какой черт дёрнул его назначать своим помощником чужеземца, который ничего не смыслит в дипломатическом ремесле и плох даже в простом разговоре? Но в этом и было преимущество Фимы. Коловрат был убежден, что ближе всех к себе нужно держать того, кому некуда уйти. Единственная верность, которой можно доверять — это безысходность.

В тихом небогатом квартале Гелиограда, куда направлялся Коловрат, жили в основном пожилые люди, устававшие от шумного движения в центре, кои однако по каким-то своим причинам должны были оставаться в священном городе. Среди похожих друг на друга небольших деревянных домов, притаился один, отличавшийся лишь тем, что соседи не смогли бы рассказать, кто же в нем живет. Изредка и внезапно его посещали разные люди, но различить, кто из них был владельцем было сложно.

Именно в этот дом Коловрат украдкой, убедившись, что вокруг никого нет, и вошёл. Дом был до того небольшим, что в нем не было даже сеней — с порога люди попадали сразу же в светлицу. Убранство ее было скромным: круглый стол, деревянная лавка, несколько полок, прибитых на стену. За столом обнаружился и единственный жилец дома на данный момент — голова его покоилась на столешнице, с подложенной под нее ладонью.

Коловрат не стал его будить, сел у другого края стола и стал вслушиваться в тишину. Глядя на макушку спящего, он все больше отдавался неприятным сомнениям. Коловрата душила странная смесь злости, бессилия, жалости и чего-то, похожего на совесть. Он легко отдавался переживаниям, хотя и корил себя за такую слабость. Однако на этот раз его тревожные мысли взяли контроль ненадолго — их прервал крик проснувшегося.

— Вы? Ох, я... извините. — Сконфуженно подобрался Фима, когда прошел первый испуг от внезапно появившегося в доме человека.

— Вечер добрый. — Сказал Коловрат. — Лекарь приходил?

Большая часть народа, бывшего в «Сизом маке» выбрались без всяких проблем. Однако Коловрат, не желавший поймать на себе лишние глаза, заранее разузнал о расположении черного хода. Именно через него он и потащил Фиму, когда притон загорелся. Проблема была лишь в том, что пришлось преодолеть узкий коридор, который был заполнен дымом, а на потолочные перекрытия уже перекинулось пламя. Прямо на их пути упала горящая балка — так огонь оставил след растянувшийся от лица до правого плеча Фимы. Коловрату повезло больше — он лишь слегка подпалил руку, что было легко скрыть за длинным рукавом.

— Да. Он приходил, но затем сразу почти уходил! — Пожаловался Фима.

Коловрат не смог сдержать усталой усмешки — надо же, так недоволен, что ему с его увечьем не уделили должного внимания.

— Видать, раны не такие серьёзные. — Попытался приободрить его Коловрат.

— Если бы не серьёзные, я бы мог на улицу. — Обиженно ответил Фима.

Принудительное заточение в лечебных целях было инициативой Коловрата, которую нанятому лекарю пришлось связать с отравлением дымом, чтобы хоть как-то объяснить причины такого решения расстроенному флипсианцу.

Стараясь подавить в себе сочувствие и вину, Коловрат рассматривал ожог на правой щеке Фимы — как и давнишний фингал, он смотрелся безобразным ярким пятном на белом несчастном лице. Всё в тех же лечебных целях Фиме была выдана дорогая батистовая рубашка вместо его одежд, прошедших слишком много вёрст вместе с ним. Надеть обновку, впрочем, он мог только на одно плечо, так как второе было капитально перевязано, и ан лекарь настрого запретил к этой конструкции прикасаться.

— Да полно тебе! Не в тюрьму же заточили. Через неделю будешь здоров и свободен. — Коловрат пытался говорить с теплотой, взгляд он отвел куда-то в угол светлицы. — А покуда расскажу тебе явление любопытное. Видал хозяина в «Сизом маке»?

— Да.

— И каков он собой?

— Я только далеко видал.

— И все прочие только издалека видали. А когда стали из пожара ана Живко вытаскивать, так только тело мертвое да иссохшее на свет извлекли. И до того оно застарелое, что, зная, уж пару лет, как свет покинул. — Коловрат не любил пересказывать известия и сплетни да и чувствовал себя неважным рассказчиком. Однако дело его требовало проявить словоохотливость и умение располагать к себе. — Что за сила его заставляла подниматься как живого, неизвестно.

— Так ведь они храм Аферии были. — Фима на время отошёл от своей печали и с тихим интересом выслушивал новости Коловрата, стараясь правильно разобрать и понять его слова. — Она и могла... делать не мертвым.

— Афоберия здесь точно ни при чем. Смерть очень важна для нее и позволять кому-то идти против природы... в её церкви это невозможно. А жена мертвеца, как вывели её из пожарища, упала на землю и зарыдала в голос. Битый час её сдвинуть с места и успокоить не могли. Видать, больше не встанет покойничек её, раз это место чёртово сгорело.

— Как жаль. — Фима широко распахнул глаза и покачал головой, лицо его просветлело от вовлеченного сочувствия. — Гина Журавушка делала так любезно! Хотя не платила мне в конце. — Он уязвленно поджал губы.

— Тут уж не до оплаты. — Ответил Коловрат. — Живой остался, и на том спасибо. Играть-то хоть можешь?

— Если лафина на колени. — С сомнением ответил Фима. — Неудобно. Разниц нет, всё равно я на солнцестояние не смогу.

— Тебе оно отчего так понадобилось? Уже в наши праздники местные вник?

— Нет, я ничто не вник. — Разочарованно ответил Фима. — Просто посмотреть, это большое событие. Я никогда... в такие события не ходит. Да ещё... оно раз же... редко! — в его голосе слабое негодование принимало совсем отчаянные нотки. Бедняга хотел высказаться, но не мог, и оттого приходил в ещё большее расстройство.

— Ничего не поделать. Мы закатим собственное торжество. А коли ты играть можешь, так совсем ничем отличаться от общего праздника не будет, верно?

— Мы? Вы не идёте на со всеми?

— Нет. Мне столпления не по нраву. Да и делать мне там нечего.

— Вы... сюда придёт?

— Совсем перестал язык понимать? — снисходительно поглядел на него Коловрат. — Моё слово, приду сюда, а на площадь не пойду. Чего я там не видел?

Фима притих, робко пряча взгляд. По его вечно несчастному лицу было трудно понять, когда он обрадован, в такие моменты глаза его смотрели скорее удивлённо. Он прикусил губу, то ли пытаясь обдумать сложившееся положение, то ли вспоминая местные выражения необходимые ему.

— Отдыхай, — Коловрат поднялся из-за стола, собираясь уходить, — и главное ни шагу на улицу. Если что-то понадобится, сообщи через лекаря.

— Ан, Коловрат! — Фима попытался укутаться в рубашку и скрыть обнаженные части тела, но в волнении у него ничего не вышло. Он также вскочил с лавки, запнулся, едва не перекувыркнувшись через стол и подошёл к Коловрату. — Спасибо за время, которое даёте мне. И остальное! — здоровой рукой Фима судорожно обнял его за шею.

— Да ничего. — Растерянно ответил Коловрат, не решаясь скрепить объятия в ответ. — Рано ещё благодарить.